

Вырезка из газеты
ИЗВЕСТИЯ

от 6-й изд. № 405

Москва

Музей П. И. Чайковского

1.

Узкая железная кровать, халат-плафок на гвоздике, ночной столик, чемоданы в углу, таз, мыльница, зеркало, рабочий стол — простой, деревянный, похожий на кухонный, широкая и короткая красная кушетка, два окна, выходящие в сад с прямыми аллеями, с одинокими скамейками.

В соседней комнате рояль «Беккер», письменный стол с лампой, покрытой абажуром, нехитрая мебель — провинциальный кабинетно-гостинный ансамбль. На столе под стеклом старомодное пенсне с резиновым раздвижным седлышком, курительная трубка — голова льва, пепельница с ребусом, коробка с визитными карточками, перья, сигары, камертон, разрезательный нож, ключи для настройки рояля.

Мы в клинском музее Чайковского.

Это комнаты, где писалась 6-я симфония. Обилие чемоданов, несессеров, картонок для шляп, — да, обитатель комнат вел жизнь путешественника. Дорога, вокзалы, холмы и овраги, скользание за окном, незнакомые города, концерты, снова дорога. Примерно восемь лет жил П. И. Чайковский в Клину и в его окрестностях (с 1885 г. по 1893 г.) и за это время совершил двенадцать одних лишь заграничных поездок.

В домике тишина. С балкона видна одна из улиц города Клина, ныне именуемая улицей Чайковского, далекий лес, поля. Внешнее солнце озаряет рояль, исписанные нотные листы под стеклом, метрономы на полке, библиотеку партитур Глинки с зелеными переплетами, с красными переплетками «Mozart's Werke», бювар, закапанный чернилами, белье, аккуратно сложенное в шкафу. Много сохранилось тут в том виде, в каком было покинуто Петром Ильичем сорок семь лет тому назад для последней поездки в Петербург. Это придает комнатам домашний, жилой оттенок.

Но нет, комнаты нежилые. Рояль безмолвен, покрыт чехлом. Следы чернил на бюваре повышвели, белье в шкафу пожелтело, даже футляр от пенсне выгорел от времени. Сверкают лишь кубки, хрусталь, серебро — под-

ношения слушателей, музыкальных обществ. Комнаты опустели. Давно нет в живых человека, который играл на этом рояле, писал этим пером, умерли люди, чьи фотографии развешаны по стенам. Все прошло.

Но образ великого мастера жив в клинском домике. В этом саду он гулял, на этой кровати спал, за этим столом, склонившись над нотной бумагой, писал свою последнюю симфонию, первые мысли о которой возникли у него во время одного из путешествий.

«...И нередко, во время странствований, мысленно сочиняя ее, я очень плакал...»

Музейная экспозиция, как и обычно, сделана по принципу биографии. В распоряжении музея — ценнейшие биографические материалы.

Дагерротипы и зарисовки, относящиеся к детству Чайковского. Классный журнал училища правоведения, где среди канувших в Лету Турчанинова Ивана, Шадуурского Льва значится Чайковский Петр и черным по белому написано, что вышеозначенный Петр имел по русскому языку — 12 (двенадцатибалльная система), по латыни — 9, по логике — 11, по геометрии — 9, а по алгебре — и вовсе 7. Классные карикатуры на профессоров камеральной права и юридических законов. Выпускная фотография правоведов, чинно сидящих вкупе с преподавателями. Юный Чайковский в узких брюках, плотно обтягивающих икры, с цилиндром в руках — чиновник министерства юстиции.

Петербургская консерватория, первые сочинения, диплом об окончании курса. Московская консерватория, друзья и товарищи по педагогической работе, одна из квартир — окна под вывеской «Посуда и лампы».

Творческая зрелость. Неудачная женитьба. Гостиницы, чужие дома. Тут и имя «Бранлов» Надежды Филаретовны фон-Мекк, и «пансион де Франс» в Сан-Ремо, где была окончена опера «Евгений Онегин», и многие другие дома, имения, пансионы. Томик Пушкина — рукой Чайковского отчеркнуты строки, начинающиеся словами: «Придешь ли, дева красоты!» и кончающиеся: «сердечный друг, желанный

друг, приди, приди: я твой супруг!» Афиши на всевозможных языках, венки, адреса, подношения, листы партитур, программа концерта, состоявшегося при получении Чайковским звания доктора музыки Кембриджского университета. Личные вещи Чайковского, хранящиеся в шкафу, в его бывшей спальне: костюмы, сорочки, туфли, зубная щетка, полотенца, обеденный сервиз. Тетради романсов, томы опер, балетов. Снова странствия, снова пути-дороги.

И, наконец, страницы газет, обведенные траурной каймой, статьи «На кладбище», «Из недавних воспоминаний», газетные и журнальные мемуары.

Список распорядителей похорон, билет для входа в Казанский собор на панихиду, катафалк, околоточные надзиратели. Посмертная маска. Недвижная белая дирижерская палочка.

2.

В архивах клинского дома 2.760 подлинных писем Чайковского и 6.355 писем к Чайковскому. 2.878 страниц нотных рукописей, среди них «Манфред», «Гамлет», 6-я симфония, второй концерт для фортепиано, оперы «Воевода», «Опричник», «Мазепа», «Иоланта», «Пиковая дама», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», камерные произведения. Корреспонденция с пометками Петра Ильича. Библиотека книг и нот, принадлежавших Чайковскому. Рукописи Глинки, Листа, Сен-Санса, Грига, Дворжака, Скрябина, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского.

Дом тесноват для музея. Это крепкий, двухэтажный провинциальный дом со службами, с небольшим садом. Петр Ильич прожил здесь последние полтора года своей жизни. Кроме 6-й симфонии, в этом доме были написаны 18 фортепианных пьес и несколько романсов на слова Ратгауза.

Как-то раз осенью Чайковский выехал из Клина в Петербург, чтобы дирижировать в концерте, где впервые исполнилась его новая, только-что законченная симфония. Концерт состоялся 16 октября. Это был последний концерт, или, как писали журналисты тех лет, «лебединая песнь» Чайковского. 25 октября Чайковский скончался.

Через несколько лет после смерти композитора его брат, либреттист и биограф, Модест Ильич приобрел клинский дом. Так было положено начало музею.

В годы Советской власти Совнарком национализировал домик в Клину и объявил его архивы государственным достоянием. С тех пор ведется систематическая музейная работа, сокровища музея неизмеримо пополнились. Клинский дом стал первоклассным собранием документов. Надо сказать, что мы располагаем немалым числом литературных музеев, но музей, подобный дому в Клину, у нас пока один.

Он должен, пожалуй, стать музеем русской музыки XIX века. В его хранилищах — архивные и биографические документы, относящиеся не только к Чайковскому, но и ко многим другим выдающимся русским музыкантам. Возможно, что именно на базе музея в Клину должен быть создан наш первый музыкальный музей.

Территория музея расширяется. Строится здание для экскурсантов, приезжающих в Клин. Сотрудники мечтают о музыковедческом центре, который должен возникнуть вокруг музея. И не только музыковедческом. Сюда будут приезжать композиторы, чтобы продумать свои новые произведения. Здесь, в комнатах великого музыканта, певцы, пианисты, скрипачи, виолончелисты будут демонстрировать свое искусство. Новый Байрейт.

Все это в будущем, — так говорят сотрудники музея.

В комнатах едва слышный шорох шагов — экскурсанты, сотрудники, посетители обуви в специальную мягкую обувь. Экскурсии железнодорожников, сталеваров, учителей, трамвайщиков, счетоводов, вузовцев, красноармейцев, школьников ходят по музею, осматривая фотографии, рукописи, картины, в которых отражена великая жизнь. Жизнь гения, подарившая человечеству несравненные произведения искусства и протекшая в странствиях, в одиночестве, в гитантском труде, в поисках и в чудесных находках.

Е. ГАБРИЛОВИЧ.